

УДК 821

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В КНИГЕ «ВРЕМЕННОК» ИВАНА ТИМОФЕЕВА

© 2013 А.П. Дудко

Орловский государственный университет

Поступила в редакцию 18.1.13

Аннотация: В статье анализируются формы повествования в историческом сочинении Ивана Тимофеева «Временник». Применение автобиографической модели описания исторических фактов свидетельствует об особенной установке автора на воссоздание исторической перспективы.

Ключевые слова: автор, повествование, «Временник», субъективная форма, объективная форма, исторический факт, авторская интерпретация.

Summary: This article analyzes forms of narration in Ivan Timofeev's historical composition "Vremennik". The use of autobiographical model in the historical description of facts shows a special setting of the author directed on the reconstruction of historical prospect.

Key words: author, narration, "Vremennik", subjective form, historic fact, author's interpretation.

«Временник» Ивана Тимофеева, посвященный временам русской Смуты, — произведение с ярко выраженным автобиографическим началом. Его автор не только представляет часть событий через личное восприятие и воспроизводит их по памяти, но и передает свое внутреннее состояние, характеризует собственные поступки, объясняет их причины. Поэтому автобиографический материал, при общей его сюжетной целостности, не является единым по приемам изложения. Разнородность в представлении сведений личностного характера во «Временнике» Ивана Тимофеева позволяет выделить такие приемы организации автобиографического материала, как умолчание, самооправдание и исповедальность.

Особенность приема умолчания заключается в том, что автор, исходя из собственного жизненного опыта и идеологических установок эпохи, ограничивается лишь намеком на некоторые реальные события собственной биографии. Объясняется это тем, что Иван Тимофеев отдавал себе отчет в том, что не все события, произошедшие с ним, могут быть предметом повествования. На невозможность полного воссоздания биографии указывал автор «Временника», сообщая своим читателям, что они должны понимать его намеки и недоговоренности: «разсудливый се разумеет, аще чтушей тою же немощию обложении, еже и мы» [1, 18], или «чтый да разумеет» [1, 88], «чтый, да разумеет» [1, 93].

В автобиографической части «Временника» Ивана Тимофеева есть несколько эпизодов, де-

монстрирующих неоднократное использование приема умолчания. Это касается службы Ивана Тимофеева при дворе Василия Шуйского. В тексте памятника автор упоминает о своей приближенности к нему: «Ту же и мне, мухоподобному, во тмах человеческого умножения соображающуся в соименных чине, заповеданиими царских тогда велений етера хранящу» [1, 114]. Но о том, в чем заключались эти «веления», не распространяется. Отсутствие точных объяснений привело к возникновению различных точек зрения на пребывание Ивана Тимофеева в Москве в период воцарения Василия Шуйского. Р.Г. Скрынников считает, что Иван Тимофеев был одним из участников избрания на престол царя Василия [2, 42]. Я.Г. Солодкин, напротив, считает, что точных сведений о месте пребывания дьяка Ивана осенью 1606 года не обнаружено. «Неизвестно даже, был ли тогда Тимофеев в столице <...> Сообщение публициста о вступлении царя Василия на престол не обнаруживает впечатлений очевидца» [3, 15]. С последним утверждением невозможно согласиться, потому что во «Временнике» события, связанные с воцарением Шуйского, описаны человеком, знающим обо всех тайных перипетиях «избрания» очередного царя. Иван Тимофеев упоминает и о спешности этого воцарения, и о том, что во время присяги были только люди московские, и об отсутствии патриарха. В свойственной автору «Временника» манере детализации уточняется место наречения Василия царем: «нарещися первее во своем ему дворе...» [1, 101]

Обходит Иван Тимофеев молчанием и тот факт, что его служба была высоко оценена Шуй-

ским. Известно, что дьяк Иван за «московское сидение» был награжден вотчинами в Малоярославце и на Волоке («419 чети») [4, 23].

Использование умолчания в рассказе о собственной роли во время правления царя Василия можно объяснить чисто политическими причинами. «Временник» создавался в период воцарения и правления Романовых, а новая власть явно не благоволила к сподвижникам Шуйского. Не случайна в этом контексте и самохарактеристика «мухоподобный»: в ней выражено отношение к себе как к слишком незначительной персоне в государственной расстановке сил, стремление подчеркнуть, что от воли «мухоподобного» не зависело принятие каких бы то ни было решений.

Непроясненными в тексте остаются и причины, по которым Иван Тимофеев был направлен на службу в Новгород. В исторической науке сформировались диаметрально противоположные точки зрения на это назначение. Большая часть исследователей настаивает на том, что службу вдали от Москвы можно рассматривать как ссылку [5, 153]. Н.П. Долинин утверждает, что дьяк Иван «при Шуйском вызвал недоверие», за что и был отправлен из столицы [6, 144]. Л.В. Черепнин высказывается еще более категорично: «...отправка Тимофеева в Новгород была вызвана стремлением Василия Шуйского удалить его из Москвы, носила характер опалы» [7, 456]. Я.Г. Солодкин, напротив, отмечает: «Назначение в Новгород Тимофеев<...> рассматривал как неожиданное повышение по службе. Очевидно, правительство Шуйского сочло нужным направить туда опытного дьяка» [3, 16].

Столь противоречивые позиции объясняются тем, что фрагмент «Временника», на котором выстраивают свои предположения биографы писателя, отличается крайней противоречивостью и явной недосказанностью. Иван Тимофеев прямо указывает на то, что был отправлен в Новгород по решению Шуйского — «самохотне о мне изволися цареви». Но далее возникают противоречия: с одной стороны, автор утверждает, что был назначен: «кроме воля моя», а с другой — пишет: «послати мя умилися» [1, 114].

При этом значение Новгорода для страны автор «Временника» понимает, так как называет его «трикратное титуло цареви место». Отдает он себе отчет и в важности возложенной на него миссии: «первоименным, иже мене предварившем, сначаластвовати мним купно в градских движениях повелевая он» [1, 114] Но это тоже не проясняет отношение самого Ивана Тимофеева к царскому поручению.

Необходимое для понимания отношения автора к назначению на службу в Новгород содержит упоминание о Божьем промысле: «и паче

сего богови своими тварми чудне промысл творяшу всяко ко оному и прочим» [1, 114]. Тем более, что далее в тексте следуют размышления о гневном Господнем и наказании: «И сим тако в тогда наставших бываемом, время же непреложного человеки совета божиа о нас пришествием неведомее приближающемся, господьска гнева исполнь, и суд его на ны в прочее преди готовляшесь...» [1, 114]. Так сообщение о назначении в Новгород оказывается неразрывно связанным с идеей наказания за грехи, пронизывающей весь памятник.

Мотив наказания возникает в начале произведения: в рассказе о разорении Новгорода опричниками Ивана IV [1, 14]. Не менее значимой причиной наказания и гнева Бога является, по мнению Ивана Тимофеева, допущение к власти Бориса Годунова-цареубийцы и служба незаконному царю. Автор памятника обвиняет всех: и «величайшие», и не по достоинству награжденные «средние», да и самые обычные люди относились к незаконному правителю как к царю и молчаливо подчинялись ему. Писатель утверждает, что «...несть бо се забвенно пред богом, елма и долго где терпит о нас» [1, 27], подчеркивая, что все последующие страдания были карой за эти грехи.

Философско-этическим обоснованием наказания становятся размышления автора о причинах бед, пришедших на Русь: «молчание предипомянутое», «крестопреступления беспощенную дерзость в клятвах», «сребролюбие несытне, и лихв ненаполняема прибитки, и мзды незатворяемая влагалища, числа не имущие, и братоненавидение самолюбное» [1, 92-93]. Поэтому как закономерность воспринимает автор «Временника» бедствия, связанные с появлением Лжедмитрия. Кроме того, Иван Тимофеев считает, что несчастья, постигшие страну, — это еще не самое страшное наказание за грехи, потому что все, совершенное до прихода лжецаря в Москву, заслуживает еще большего возмездия: «да не ради нашего нечувствия о гресех одолжил еще к сим камения и на ны...» [1, 98]. Мысль о неотвратимости наказания проходит через все повествование о страданиях Новгорода, захваченного шведами [1, 115; 125; 132].

Следовательно, Иван Тимофеев воспринимал назначение в Новгород и как наказание, и как испытание духа, объясняя все промыслом Божьим; поэтому автор памятника не называет виновником своей ссылки Шуйского.

Полное отсутствие комментирования решения царя во многом объясняется идейной позицией и политическими взглядами приказного дьяка Тимофеева. «Отправными принципами его убеждений были идеи «Степенной книги» о значении централизованной государственной власти, признании прав боярства на ведущую роль

в управлении государством...» [6, 137]. Даже если Иван Тимофеев и был не согласен с назначением в Новгород, то не считал себя вправе оспаривать это решение Шуйского, потому что мнил себя человеком государственным.

Прием умолчания играет существенную роль еще в одном важном для понимания биографии Ивана Тимофеева эпизоде. В тексте «Временника» автор упоминает о бесчестных единоверцах: «веде бо обыкших, яко естеством, от невоздержания другови поношающих, яве, яко от своего им презорства хотети о чужих гресех непщевати вины» [1, 116]. Свет на эту фразу проливает «Дело по обвинению дьяка Ивана Тимофеева и протопопа Амоса в утайке образов из «опального» имущества М. Татищева», датированное апрелем 1611 года, обнаруженное среди документов Стокгольмского архива Л.В. Черепниным. Автор «Временника» никак не комментирует этот поворот в собственной биографии, но явно намекает, что его оболгали, и бросает упрек своим недругам за «поношение», обходя молчанием причины обвинения.

Как установило следствие 1611 года, после убийства Михаила Татищева из его имущества исчезли ценные иконы — «образы, образ Спасов до образ Николы чудотворца, обложены золотом» [8, 164]. В листах переписи и оценки, составленных Иваном Тимофеевым, эти иконы названы не были. Но, как сообщает документ, присутствовавший при переписи Степан Иголкин образа видел, о чем и сообщил руководителям города — воеводе И.Н. Одоевскому (Большому), дьякам Корнилу Иевлеву и Семейке Самсонову.

Иван Тимофеев был вызван на допрос, где показал, что описание икон было передано Ивану Салтыкову, а сами образа — протопопу Амосу. Законность передачи икон, по словам Тимофеева, у него не вызвала сомнений, «потому что он (протопоп Амос. — А.Д.) Михайлу Татищеву был отец духовной» [8, 165].

После обыска в доме протопопа Амоса иконы и опись были найдены, а Ивана Тимофеева осудили за то, что хотел вместе с протопопом Амосом этими иконами завладеть. После разбирательства оба «злоумышленника» были наказаны большими штрафами.

Позже (в марте 1615 года) разбирательство по делу было продолжено. Иван Тимофеев настаивал на своей полной невинности и вновь утверждал, что иконы были переданы протопопу Амосу по распоряжению Михаила Скопина-Шуйского.

К рассмотрению дела был привлечен даже Иван Никитич Одоевский (Большой). Именно он и дал окончательный ответ на вопрос о месте нахождения икон и наказании провинившихся:

«И те образы после роспросу у него, протопопа, выняты и отданы ему князю Ивану Никитичю по московской грамоте все целы, и он князь Иван Никитич те образы сослал к шурьям своим к Москве, а приговор и подрал, потому что он, князь Иван Никитич, был о тех образах челобитчик» [8, 175].

То, что иконы были спрятаны умышленно, не вызывает сомнений. Позиция и Ивана Тимофеева, и протопопа Амоса также вполне понятны: они хотели остановить начатый еще при Иване IV вывоз церковных ценностей из Новгорода. Сообщать об этом не только на расследовании, но и в своем сочинении Иван Тимофеев не стал. Пафос защитника новгородских ценностей был бы непонятен в правление основателей династии Романовых.

Обходит молчанием автор «Временника» и еще один неприятный факт своей биографии: разбирательство по делу о пропаже церковных денег. В сочинении он находит отражение во фразе о врагах: «И не точию тех иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих, но сих множество и своеверных, враждующих ми, стращахся, иже приседают о нас тайно в ловителях ко Еллинном» [1, 119]. В крайне запутанном документе «Дело по челобитью дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева о пропаже казенных денег», датированном мартом 1615 года, сообщается, что дьяк Пятой Григорьев уличил дьяка Ивана в воровстве. По одной из расписок, в ларце, опечатанном Иваном Тимофеевым, должно было храниться «27 рублей и тридцать алтын полтрети денги», но денег там не обнаружили. Позже выяснилось, что денег нет и в коробе, который хранился у дьяка Микифора и был также опечатан Тимофеевым. На обвинения последний отвечал, что передал все подьячему Микифору Коптеву. Объяснения, представленные в документе, носят противоречивый характер. Сначала Тимофеев утверждал, что «он де Иван Микифору те денги его Микифорова збору отдал в Розрядной избе ис коробье, а в те поры у той отдачи никого не было, а отдавал один на один. А отдал он Микифору те денги потому, что остались толко его збору денги и для береженья, чтоб того не беречь, а берег бы он Микифоровой збор сам», а потом поставил свою печать [8, 170]. Позже было установлено, что Иван Тимофеев «Микифору де он Коптеву денги из-за печати отдал вдруг», еще чуть позже уточняется, что опечатывал короб не только он, но и Анц Бракилев, а «в ларце денег не было, и запечатал тот ларец он, Иван, для числа, потому что у него ярлык, и в печатанье он у Анцы был, а Анцыну де печать снял он, Иван, а денги де в тот ларец клал Микифор после Анцыны печати, а было денег в ларце в трех мешечках» [8, 171]. На-

конец в деле появился новый персонаж, который деньги у Тимофеева получил, расписку написал и «отдал он боярина и большого ратного воеводы Якова Пунтосовича Делегарда дворецкому Антонию, а в приходные де книги тех денег он в те поры, как взял, не писал» [8, 173].

Впрочем, и слова свидетелей, опрошенных по делу, не отличаются последовательностью и точностью: установить, кто и куда эти ларцы и коробка переносил, кто и что из них брал, по документам следствия невозможно. Также трудно понять, кто из участников процесса какие расписки писал и куда эти расписки девались. Каждый из допрашиваемых ссылался на плохую память. Иван Тимофеев утверждал: «в денгах его збору расписался ли или нет, того де он не упомнит» [8, 170]. Дьяк Пятой Григорьев, устроивший разбирательство, тоже «не упомнит», когда проверял наличие денег, но точно помнит, что печать снимал сам Тимофеев и денег там не было. Дело, судя по опубликованным материалам, так и не было завершено, правые не установлены и виновные не найдены.

Рассмотренные эпизоды жизни Ивана Тимофеева и рассказ о них, представленный в форме объективированного повествования, показывают, что в силу объективных причин автор автобиографического сочинения не мог и не хотел акцентировать внимание читателей на сложных перипетиях своей жизни, поэтому и использовал прием умолчания. Объяснение обстоятельств личных неприятностей и их причин уводило бы писателя в сторону от главной цели труда — описания событий Смутного времени.

Большую роль в создании автобиографии играл прием самооправдания. На стремление авторов исторических сочинений о Смуте скорректировать представление о собственной роли неоднократно указывал Д.С. Лихачев: «...авторы не столько повествуют о событиях, сколько оправдываются в своей прошлой деятельности или выставляют свои бывшие (иногда мнимые) заслуги» [9, 69].

При этом некоторые исследователи считают, что принципиальное отличие сочинения Ивана Тимофеева от других произведений о Смуте заключается в том, что писателю не нужно было оправдываться, поэтому за автором «Временника» закрепилась репутация одного из самых объективных писателей эпохи: «То, что у Тимофеева не было нужды оправдываться, объяснять свое поведение и поступки, необыкновенно повышает и литературную и историческую ценность его работы» [10, 172], — пишет венгерская исследовательница М. Тетени. С этим утверждением невозможно согласиться, так как автобиографическое начало во «Временнике» включает в том числе и самооправдание.

Большая часть автобиографической части памятника посвящена обстоятельствам жизни писателя в занятом шведами Новгороде. При описании событий, происходящих в третьем городе страны, Иван Тимофеев рисует картины страданий Новгорода: «церкви святых раскопаша, и великообительная с малыми места вся иноких развлекаша со основагми, доброты же их, иже вся имяше град, зле расхитиша и градожителей имении, и изнурившэ муками, погубиша...» [1, 115]. Себя же автор представляет как одного из рядовых горожан: «К ним же убо нашего общерабства...» [1, 114] Иван Тимофеев не ограничивается констатацией фактов своей биографии о пребывании в занятом шведами городе, а создает художественный образ неволи. Свообразными символами несвободы становятся сети на ногах «яко в сети, увязе ми нога» и вериги «яко о выи верига некая железна» [1, 114]. Но изображение страданий является отчасти и попыткой оправдаться перед читателями за неблагоприятное поведение в период шведской оккупации.

В тексте памятника вскользь упоминается о том, что Иван Тимофеев «работством тамо» [1, 114], т. е. служил в Новгороде и при шведах. Понятно, что ничего о своей деятельности в оккупированном городе автор «Временника» не рассказывает. Но архивные материалы свидетельствуют, что он некоторое время продолжал заниматься привычной для себя работой — распределением и учетом церковных доходов.

Именно в целях самооправдания Иван Тимофеев переходит в одном из фрагментов автобиографии с первого лица на третье, а единичный личностный образ заменяет обобщенным: «нашего общерабства», «нашего несвобождения»; при этом — «аз огорчихся», «пребывая в себе, помышляя». Смена манеры повествования используется автором в нескольких рядом стоящих предложениях. Следовательно, Иван Тимофеев стремится подчеркнуть, что он был всего лишь одним из тех, кто вынужден был служить шведам.

При этом исторические факты доказывают, что в Новгороде были настоящие герои, оказавшие сопротивление захватчикам. Одним из них был протопоп Амос, о котором, по не совсем понятным причинам, автор «Временника» даже не упоминает. О героической смерти протопопа Софийского собора Амоса сохранилось множество документальных свидетельств. Известно, что шведы для устрашения горожан подожгли Розважский монастырь и Протопопов двор — центр сопротивления. Часть жителей была убита, другие погибли в пожаре, были и те, кто утонул в реке, пытаясь спастись на Торговой стороне. Как сообщает летопись: Амос «запершусь на своем дворе с своими советники и бьющеся

с немцами многое время и много немец побил» [11, 114]. «Амос отверг предложение сдаться и был заживо сожжен шведами — «ни единово не взяша живьем». Вместе с Амосом сожгли «детей его и людей». Новгородцы бережно хранили предание о подвиге протопопа» [12, 119], — пишет П.В. Седов.

Объяснение того, почему подвиг Амоса не нашел своего отражения в тексте «Временника», обнаруживается на страницах памятника. Автор оправдывается тем, что писал свое сочинение в занятом врагами городе и испытывал постоянное чувство страха: «несвободне нашего во страсе пребывания... обзираяся обоямо всюде во ужасе». Он боялся не только врагов, но и единоверцев-предателей: «И не точию тех иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих, но сих множество и своеверных, враждующих ми, стращахся, иже приседят о нас тайно в ловителях ко Еллином» [1, 119].

Надо отдать должное честности Ивана Тимофеева: себя героем он нигде не называет и, судя по тексту памятника, не считает. Напротив, он подчеркивает свою беспомощность перед лицом обстоятельств и оправдывается тем, что он-де обыкновенный человек, испугавшийся за свою жизнь.

Еще более неприятный для Ивана Тимофеева факт биографии, о котором упоминается в тексте, также стал поводом для самооправдания. Во «Временнике» указывается: «Мое же отсюду к преславному граду вспять возвращение, отнюду же преж им семо исходжение бысть, медлением zde на долзе закосне скудостию ми возможных к подъятию действ» [1, 114]. Именно безденежье, как утверждает автор, заставило его остаться в занятом неприятелем городе. «Скудостью средств» объясняет автор и причину, по которой он вынужден был служить шведам.

Но документ Стокгольмского государственного архива — «Дело об описи имущества «отъехавших» из Новгорода помещиков Г.П. и И.А. Загоскиных и о передаче ржи из поместья Г.П. Загоскина дьяку И. Тимофееву, а бобыльской ржи — А. Мякининой» — доказывает, что отношение дьяка Ивана к врагам было достаточно почтительным, а Якоба Понтуса Делагарди он воспринимал как законного правителя города. Этот архивный документ не только ставит под сомнение истинность страданий Ивана Тимофеева, но и доказывает, что автору «Временника», действительно, было за что оправдывать себя.

Документ является типичной по форме челобитной, с которой податель обращается к Якобу Понтусу Делагарди и просит передать ему урожай с земли бежавших из Новгорода дворян: «Пресветлейшему и высокороженному государю королевичу и великому князю Карлусу

Филиппу Карлусовичю бьет челом холоп твой Иванко Тимофеев.

Милосердый государь королевич, пресветлейший и высокороженный и великий Карлус Филип Карлусович, пожалуй меня, холопа своего беспоместново, непожалованого, в деревне Родионове Григорьевою рожью Загоскина, што сеял Григорей з бобылки, а Григорей Загоскин тебе, государю, изменил.

Государь, смилуйся!» [8, 167]

Написание подобных челобитных было делом обычным. «Наиболее часто в челобитных новгородских помещиков встречается фраза о том, что прежний помещик «отъехал во Псков» (вар.: «к Московским людям», «в Осташков»)... «Измена» ставится отъехавшим в вину и дает право претендовать на поместье, такое земельное владение приравнивается к выморочному. В качестве же собственной заслуги обычно указывается верность (как противоположность измене) и неустроенность... челобитчик почти автоматически получает такое изменничье поместье, ибо отечник (то есть изменник) находится вне досягаемости политической власти правительства» [13, 7], — отмечает А.А. Селин.

То, что челобитная станет своеобразным доносом на бежавшего от захватчиков Григория Загоскина, Иваном Тимофеевым, очевидно, не учитывалось. Он преследовал личные цели: стремился если не разбогатеть, то хотя бы поддерживать привычный уровень жизни. Понимание того, что поведение в оккупированном Новгороде шло в разрез с декларируемыми им принципами, заставляет автора «Временника» вновь и вновь писать о страданиях в шведском плену.

«Новгородские» страницы произведения Ивана Тимофеева еще раз подтверждают мысль Д.С. Лихачева о том, что в исторических сочинениях о Смуте авторы «оправдываются в своей прошлой деятельности...» [9, 69] Иван Тимофеев, хоть и считается самым объективным автором эпохи, также прибегал к приему самооправдания. Но использование этого приема во «Временнике» было связано с больше этическими вопросами и политической ситуацией, чем с желанием обелить себя перед современниками и потомками. Иван Тимофеев ставил перед собой конкретную задачу — описать увиденное, и в этой гигантской панораме событий, изображенной на страницах «Временника», себя писатель представлял самым обыкновенным, во многом слабым человеком. Он оправдывался лишь в том, что был таким же, как другие.

В литературоведении неоднократно указывалось, что одним из признаков литературной автобиографии является стремление авторов раскрыть перед читателями сокровенные мысли и чувства.

Без исповедальности, попыток «объяснить себя», без самоанализа невозможно представить литературную автобиографию. «Следствием автобиографичности писателя нередко является его исповедальность — тут многое зависит от того, каких масштабов этот писатель достигает. Во всяком случае, если автобиографизм не всегда влечет за собой исповедальность, то без автобиографизма нет исповедальности» [14, 39].

Возникновение исповедальности как жанрообразующего признака автобиографии большая часть исследователей связывает с повышением интереса к внутреннему миру личности в литературе XVIII века [15, 71], но, по нашему мнению, уже во «Временнике» Ивана Тимофеева явно обнаруживаются элементы этого художественного приема.

В автобиографических фрагментах произведения исповедальность существует в двух тематических комплексах: в мироощущениях личности, находящейся в условиях несвободы, и в творческих исканиях писателя.

Автор «Временника» стремится донести до читателей все те мысли и чувства, которые вызвала у него оккупация Новгорода. Город на страницах произведения — образ персонифицированный. Именно потому уже в начале произведения помещена главка «О новгородском пленении, о пролитии крови остря мечом в гневе ярости царицы на град святой», в которой повествование ведется от лица Новгорода: «Множае же вся земля, ненавидимых царем всех, яже на люди моя ярость гнева своего некогда излия... яко нечестивно того бе на мя нашествия... яко же аз труда от господствующа мною...» [1, 13]. При этом и в автобиографических фрагментах автор также относится к Новгороду как к «великому граду поработанием в плен приятися Еллены» [1, 114], уподобляя его страданиям чувствованиям живого существа. Данный художественный прием соединения собственных авторских эмоций с метафорически описываемым объектом является новаторским. Он усиливает исповедальное начало и дает возможность для более детализированного изображения внутреннего состояния автора.

«Исповедь» толкала автора к художественной свободе, к нарушению литературных шаблонов, к психологической мотивированности рассказа» [16, 383], — писал о «Житии протопопа Аввакума» А.Н. Робинсон, но данное замечание в полной мере относится и к автобиографическим фрагментам «Временника» о разрушении Новгорода.

Именно психологическая составляющая становится основой автобиографического фрагмента текста, повествующего о плененном городе. Разорение Новгорода вызывает у автора «Временника»

целую гамму чувств. Причем их последовательность представлена в восходящей градации. Сначала это только огорчение при созерцании картин разрушения: «и убо купно по всего града опровершении аз огорчихся...» Но далее Иван Тимофеев показывает силу эмоций, полностью подчиняющих себе человека и порождающих мысли о недолговечности того, что казалось неизбежным: «зря и еже слыша некая местное таковое и неприкладное запустение, жзалихся, пребывая в себе, помышляя: како, яко в час всему разоршуся, бывшую пред малем неисповедимую толико града и яже о нем красоту, иже нами мняшеся она пребывати в век, яко до иже стихия растаюся, ныне же ю в мале яко не бывшу зрим, ниже бывающу?» [1, 115]

Наивысшей точкой в передаче смятения и боли становится упоминание о сумасшествии: «И во уме си мыслию слагах всегда по многи дни, не отлагая и в себе бывая, ходя бо, яко изступив умом, изгубление таковое граду присно мысля» [1, 115].

Не менее важно и то, что внутренние переживания автора, представленные в форме исповеди, выливаются в осмысление всего того, что происходит в стране. Ужас, граничащий с сумасшествием, вызванный разрушением Новгорода, распространяется на все происходящее: «А иже о самой главе царствия и вся земля что реши?» [1, 115].

Второй тематический комплекс в «исповеди» Ивана Тимофеева раскрывает процесс создания его сочинения. В рассказе о возникновении творческого замысла центральное место занимает персонифицированный образ мысли: сначала она «во уме си мыслию слагах всегда», затем «бо ми часто и восхищением обуревая мысль облакоподобная по всему и скоролетящая высокопарнее, яко по воздуху птица, позыбанием же потрясая несостоятельное ми ума, и ниже в час даваше ему от служения препочити», «яко перстом тыкаше в моя ребра», «сия присно подвизая мя и памятию обновляя не отступая» [1, 115]. Важна сама последовательность, которую автор «Временника» использует при характеристике творческого процесса: от умозрительного образа «летающая, как птица по воздуху», до образа, переходящего на физиологический уровень описания — «как пальцем, тыкала мне в ребра». Мысль предстает как сила, полностью подчиняющая себе сознание и волю творческой личности: «Та же отречанию моему не внимаша, но елико аз сию отречах, елико она безстыдствуя ми належа. Аз же к неудобству свое уединение представих, глаголах ей всяко... еще ми она ими же родительных деяний простых притчу к сим судив сположи...» [1, 115]

Творчество, написание книги, по мысли автора — процесс трудный и противоречивый.

Все повествование о нем построено на передаче самых разных психологических состояний автора: нерешительность, сомнение, боязнь, внутреннее сопротивление, снова страх и, наконец, убежденность в правильности принятого решения: «мало что отчасти с прочими словесы воспомянути мысль спонужая мя, да не проходом лет мнозех забвится еже о сих память, их же еда в мале и жизнь померкнет» [1, 116].

Именно в этой сентенции автора заложено его понимание смысла творческого труда: сохранить память о событиях и современниках для потомков. По сути, Иван Тимофеев, обосновывая сущность творческого процесса, пришел к пониманию назначения мемуарной литературы, специфика которой заключается в том, что «мемуары — это рассказ по памяти о событиях, воспоминания о людях, с которыми встречался автор, раздумья о пережитом» [14, 7].

Исповедальность как художественный прием помогала автору «Временника» показать те чувства, которые испытывает человек в ситуации выбора, раскрыть перед читателями скрытые в глубинах подсознания процессы мысли и творчества. Кроме того, исповедальность придает произведению искренность, заставляет увидеть в авторе не всезнающего и всеведущего мудреца, а обыкновенного человека.

В целом же текст «Временника» показывает, что Иван Тимофеев стремился найти новые способы отражения современной ему действительности. Принципиальное новаторство писателя заключалось в том, что, помимо традиционных для исторических сочинений форм повествования от лица стороннего наблюдателя, он использовал и субъектную форму, которая напрямую соотносена с автобиографическим началом.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Тимофеев Ив. Временник / Пер. и коммент. О.А. Державиной; Под. ред. В.П. Адриановой-Перетц / И. Тимофеев. — М.: Наука, 2004. — 512 с.
2. Скрынников Р.Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников / Р.Г. Скрынников. — Л.: Наука, 1988. — 255 с.
3. Солодкин Я.Г. «Временник» Ивана Тимофеева: Источниковедческое исследование / Я.Г. Солодкин. — Нижневартовск, 2002. — 179 с.
4. Лукичев М.П. Новые данные о русском мыслителе

и историке XVII в. Иване Тимофееве / М.П. Лукичев // Советские архивы. — 1982. — № 3. — С. 22–25.

5. Корецкий В.И. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — историке и публицисте XVII в. / В.И. Корецкий // Археографический ежегодник за 1974 год. — М., 1975. — С. 145–167.

6. Долинин Н.П. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева. (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века) / Н.П. Долинин // Науч. зап. Днепропетровского гос. ун-та, т. XLII. Сб. работ ист. отд. историко-филолог. ф-та. — Вып. 2. — Киев, 1954 (на обложке 1953). — С. 135–164.

7. Черепнин Л.В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции / Л.В. Черепнин // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред. Н.А. Казакова. — М.—Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. — Т. 17. — С. 454–481.

8. Черепнин Л.В. Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» / Л.В. Черепнин // Ист. архив, 1960. — № 4. — С. 162–177.

9. Лихачев Д.С. Своеобразие древнерусской литературы / Д.С. Лихачев // Художественное наследие Древней Руси и современность / В.Д. Лихачева, Д.С. Лихачев. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — С. 52–70.

10. Тетени М. Об Иване Тимофеева — писателе / М. Тетени // Studia Slavica. Hung. T. 24 Fasc. 1/4. Budapest: Acad. Scientiarum Hungaricae, 1988. — P. 169–177.

11. Полное собрание русских летописей. Дополнения к Никоновской летописи / Под ред. С.Ф. Платонова и П.Г. Васенко. — СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. — Т. XIV. — Изд. 1-е. — 158 с.

12. Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. / П.В. Седов // Новгородский исторический сборник. — № 4(14). — СПб. — Новгород, 1993. — С. 116–127.

13. Селин А.А. Об «изменах» в Новгороде 1611–1616 гг. / А.А. Селин // Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 2003. — № 1(11). — С. 5–13.

14. Антюхов А.В. Русская мемуарно-автобиографическая литература XVIII в. (Генезис. Жанрово-видовое многообразие. Поэтика): Дисс. ... докт. филол. наук / А.В. Антюхов. — Брянск, 2003. — 451 с.

15. Кочеткова Н.Д. Исповедь в русской литературе конца XVIII в. / Н.Д. Кочеткова // На путях к романтизму: Сб. науч. тр.; Отв. ред. Ф.Я. Прийма. — Л.: Наука, 1984. — С. 71–99.

16. Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века / А.Н. Робинсон. — М.: Наука, 1974. — 405 с.

А.П. Дудко, аспирант кафедры русской литературы XI–XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: dudalex1986@mail.ru

A.P. Dudko, graduate student of the Russian literature department (XI–XIX centuries)
Orel State University
E-mail: dudalex1986@mail.ru